

Век после Чехова

Сегодня исполнилось 100 лет со дня смерти великого писателя

Нынешний год ЮНЕСКО объявила всемирным годом А. Чехова. Полное собрание сочинений нашего классика переведено на все основные языки мира.

Представители 17 стран в конце июня собрались в мелховском доме-музее Чехова на международную научную конференцию «Век после Чехова». Самая большая делегация,

кстати, была из Японии, куда писатель мечтал поехать, но помешала эпидемия холеры.

О Чехове и его книге «Остров Сахалин» мы беседуем с профессором МГУ, заслуженным деятелем науки РФ, завкафедрой истории русской литературы, председателем Чеховской комиссии РАН Владимиром КАТАЕВЫМ.

ный, не желая сложить звание истинной сложности явления. Научный подход к проблеме, убийственная статистика, учет огромной литературы вопроса, личные наблюдения — всем этим такого читателя не проймешь. И Чехов созда-

дожника-творца, вступающего в борьбу и с собственными, и с расхожими шаблонами, с предательским желанием угодить традиционным ожиданиям читателя; борьба с «общими местами» и с «жалкими словами» и с «трескучими описаниями»; и в то же время решимость гнуть свою линию, уверенно пользоваться действительно новым художественным языком.

— Язык Чехова, как отмечает известный актер Сергей Юрский, это «мой язык, мой сегодняшний мир». Получается, что и спустя век после Чехова мы считаем его язык эталоном, хотя сам писатель предполагал, что его лет 20 почитают и забудут.

— Тут Антон Павлович оказался плохим пророком. Его не только не забывают, но, наоборот, все чаще и чаще обращаются к его творчеству. Примечательно, что каждая значительная постановка пьесы «Три сестры» отражает историю развития XX века. Его конец и бурное начало нового века не стали исключением. Когда три прибалтийские республики отделились от Советского Союза, литовский режиссер Э. Някросшюс обращается именно к «Трем сестрам». Такой же ошеломляющий успех имеет пьеса и в Швейцарии, где спектакль играют не на сцене, а на палубе. Режиссер посвятил его морякам, погибшим на подводной лодке «Курск». Уверен, что и эпизоды из книги «Остров Сахалин» станут сюжетами для новых спектаклей. Слишком много в этой книге созвучного с нашим временем.

Еще живы потомки тех, с кем беседовал и о ком рассказывал Чехов в своей книге. 7,5 тысячи переписных карточек, заполненных его рукой, сохранились в Российской государственной библиотеке и в ближайшее время войдут в специальный сборник, о выпуске которого позаботилась администрация Сахалинской области. В этот сборник войдут также и многочисленные медицинские рецепты Чехова-доктора, которые он выписывал больным.

— В дни памяти А. Чехова многие захотят поклониться его могиле в Москве. В каком состоянии она находится?

— Надгробие Чехова соответствует его скромному облику. Но беда в том, что памятник в очень плохом состоянии. В нескольких местах «поползли» трещины, он просел в землю на 70 см. В управлении по охране памятников знают об этом, но там очень часто меняется руководство. И отсюда все беда. Было даже заседание выездной комиссии у могилы Чехова на Новодевичьем кладбище, но ничего не меняется. Причем иностранцы, когда оказываются здесь, сразу откликаются и предлагают деньги на реставрацию. Но мы не знаем даже реальной стоимости реставрационных работ. Специалисты управления по охране памятников до сих пор не провели оценку. Если бы мы знали, сколько нужно денег, то, конечно, собрали бы их. У Чехова очень много поклонников, но, видимо, не среди чиновников.

Беседу вел
О. ДРУЖИНИНА.

Председатель Чеховской комиссии В. Катаев.

— Владимир Борисович, 120 лет назад перед выпускником Московского университета Антоном Чеховым открылась дорога в большую жизнь. Скромный доктор прославил Россию. Есть ли в университете памятный знак, посвященный Чехову?

— К сожалению, нет. Тогдашний медицинский факультет перерос в Медицинскую академию. А медицинские клиники, в которых работал Чехов-студент, теперь принадлежат Архитектурному институту. Однако своеобразной мемориальной доской нашему знаменитому выпускнику будет то, что в готовящейся к 250-летию университета энциклопедии разместится статья, посвященная Чехову — писателю и врачу.

— Существует много версий, почему Чехов совершил тяжелейшую по тем временам поездку на каторжный остров Сахалин. Среди них и та, что он со студенческих лет мечтал стать ученым и хотел собрать материал для написания диссертации.

— В студенческие годы у Чехова был замесел сразу двух диссертаций. Тема одной — «История взыскного дела в России», а другой — «История полового авторитета». Сохранились планы и материалы к ним. Кстати, книгу «Остров Сахалин» он думал защитить как диссертацию. Но ученый совет университета отклонил такой вариант.

— Вы возглавляете комиссию РАН. Почему именно Чеховскую?

— Чеховым я увлекся еще в студенческие годы. А позже, когда Академия наук начала выпускать полное академическое собрание сочинений и писем Чехова, я получил приглашение принять участие в его подготовке. Мы изучили архив писателя, проштудировали периодику того времени. А потом, когда в совете по истории мировой культуры при Академии наук стали открывать отдельные направления; посвященные великим классикам, Чехов занял место в одном ряду с Данте, Шекспиром и Гете. Первыми председателями Чеховской комиссии были Владимир Лакшин, Олег Ефремов. Сейчас мы готовим энциклопедию, в которой хотим собрать все сведения о писателе, о его родственниках и знакомых, а также о тех людях, с которыми он был связан в русской культуре. Ведь Антон Павлович общался с Толстым и Шалаповым, с Чайковским и Горьким, с Рамманиновым и Бунинным, многими другими великими людьми.

— В 1990 году на Сахалине прошла международная конференция, посвященная 100-

летию путешествия Чехова на Сахалин. Тогда один американский критик сравнил чеховскую книгу с Дантовым «Адом». Как это воспринял ученый мир?

— Если раньше Чехов был востребован в разных странах больше как драматург, то теперь его знают и как прозаика, и как автора книги о парской каторге. Недавно на одной из конференций шведский режиссер, много ставивший Чехова, признался, что, когда он узнал о поездке писателя на каторжный остров, тот открылся ему с новой стороны. Ведь эта поездка определила все дальнейшее творчество Чехова, которое, по его выражению, стало «все просахалинено».

Вспоминается и варшавская конференция, на которой выступал немецкий профессор Клуге, обративший внимание на то, что Чехов впервые в истории затронул положение женщин в местах заключения: они «ехали жизнь мужей поправить и свою потеряли». Чехов поднимает такие вопросы человеческих отношений, которые и сегодня всех волнуют. Нужны ли смертная казнь или пожизненное заключение? Он размышляет над этими вопросами, описывая каторжку, задуманную властями как «залог для упрочения обладания нашим островом».

Станиславский, поставивший всего Чехова, сказал, что автор неисчерпаем. И жизнь подтверждает, что это действительно так. Сейчас в одном из московских театров идет пьеса Елены Греминой «Сахалинская жена» по мотивам книги Чехова. В Японии проходит Чеховский театраль-

ный фестиваль, на который с репертуаром великого писателя приглашена труппа Малого театра. Японцы продолжают ставить спектакли по произведениям любимого автора. В них тоже есть сахалинская тематика. Все это говорит о том, что «Остров Сахалин» только начинает открываться вдумчивому читателю.

Долгое время эту книгу в ряду других произведений Чехова считали инородным телом. Но для писателя она была частью его жизни. Не случайно после многолетней работы над ней Чехов напишет своему издателю Суворину: «Я рад, что в моем беллетристическом гардеробе будет висеть и сей жестокий арестантский халат. Пусть висит!». Прошло 114 лет после встреч и бесед Чехова с каторжанами и поселенцами на Сахалине, но по-прежнему волнует та картина, которую он нарисовал.

Высоко отозвался о книге автор «Колымских рассказов» Варлам Шаламов, поставивший ее выше «Записок из Мертвого дома» Достоевского и «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына. Он пишет, что русская литература, изображая каторжников и заключенных, идеализировала «отверженных». Один только Чехов поборол в себе это чувство и оказался беспристрастным рассказчиком. Смертность художника видна здесь, как мне кажется, прежде всего в способе повествования, в тональности. Их Чехов нащупывал постепенно, в ходе работы над книгой, которая растянулась почти на пять лет.

Чехов знал, что адресат его книги — читатель равнодушно-

ет образ автора, рассказывающего о том аде на земле, каким ему представился сахалинская каторга. Его очень задело, когда один дальневосточный корреспондент написал, что «каторга, в общем-то, это стало баранов, трусливых, ленивых, полудолых и занесквивающих». Чехов же пишет: «Чтобы думать, что русские арестанты не убивают и не грабят встречного только из трусости и лени, надо быть очень плохим мнением о человеке вообще или не знать человека».

— Владимир Борисович, у вас есть статья о смелости Чехова, в которой как бы объясняется успех «Острова Сахалин». Речь идет о смелости не в житейском понимании этого слова, хотя и в этом смысле писатель был смелым (известно, когда он возвращался с Сахалина по Индийскому океану, то совершал заплывы, пренебрегая опасностью подвергнуться нападению акулы), а о смелости наедине с чистым листом бумаги...

— Здесь уместно вспомнить слова Пушкина, с которым Чехова еще при жизни связал Лев Толстой и с которым Чехова связывает единая «златая цепь» русской классики. Пушкин сказал по другому поводу, но о том же, о чем говорил Чехов — о мужестве, смелости в искусстве слова: «Есть высшая смелость: смелость изобретения, смелость созидания, где план обширный обмелется творческой мыслью, — такова смелость Шекспира, Данте, Гете в «Фаусте».

В этом же ряду стоит творческая смелость Чехова. Смелость простоты, смелость ху-